
ВАЛЕРИЙ
ШАРАПОВ
ОСЕНЬ
СО ШРАМОМ

Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив

Валерий Шарапов

Осень со шрамом

«Эксмо»
2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шарапов В. Г.

Осень со шрамом / В. Г. Шарапов — «Эксмо»,
2026 — (Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив)

ISBN 978-5-04-256768-1

Вернувшись с фронта, капитан Павел Журбин устраивается на работу в уголовный розыск. И сразу же подключается к поиску банды, терроризирующей город. За короткое время ограблены отделение госбанка, секретная лаборатория, лесопилка. И в каждом случае — жестоко убитые свидетели. Под подозрение оперативников попадают те, кто сотрудничал с немцами в годы войны. Однако при тщательной проверке у всех подозреваемых оказывается алиби. Изучая вещдоки с места преступления, криминалисты выявляют особую примету, судя по всему, принадлежащую главарю банды. Павел вспоминает, что уже встречался с этим человеком, и решает в одиночку проверить свою догадку… Уникальная возможность вернуться в один из самых ярких периодов советской истории — в послевоенное время. Реальные люди, настоящие криминальные дела, захватывающие повороты сюжета. Персонажи, похожие на культовые образы фильма «Место встречи изменить нельзя». Дух времени, трепетно хранящийся во многих семьях. Необычно и реалистично показанная «кухня» повседневной работы советской милиции.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-256768-1

© Шарапов В. Г., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава первая 7
Глава вторая 16
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Валерий Шарапов
Осень со шрамом

© Шарапов В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава первая

Ночь была бессонной, черти лезли в душу. Душили видения, какие-то бредовые галлюцинации. Сыростью тянуло отовсюду – от стен, из щелей в оконных рамах толщиной с палец. Павел вертелся на сырой простыне, искал удобную позу, чтобы уснуть – без кошмаров, приветов из прошлого, чтобы боль в искалеченном голеностопе не растекалась «блаженной негой» по всему туловищу. Нашел – но ненадолго, снова кувыркался в недавнее прошлое, искаженное, карикатурное. Выли, падали мины, сыпалась земля, разлетались, как щепки, бревна блиндажа. Он летел в пронзительно-синее небо, навстречу солнцу – там вроде не стреляли, ничего не взрывалось. Дергал за рукав летящий рядом Юрка Синельников, старший лейтенант, лучший фронтовой друг, орал как подорванный:

– Пашка, мать твою, ты куда?! Это меня убили, а не тебя! Возвращайся, когда-нибудь еще свидимся!

Он барахтался в каком-то густеющем киселе, выл от боли. Его откапывали, тащили на носилках. Иногда возвращалось сознание – но вместе с ощущением, что это не его сознание, подброшенное! Рев пикирующего «мессершмидта» сменялся пиликаньем немецкой губной гармошки. Из забытья вырывали приступы боли. Над ним склонялось лицо доброго советского военврача – хотя, если присмотреться, не такое уж доброе… Обрывки каких-то неприятных высказываний: «Отвоевался, дружок», «Тяжелая контузия – это, парень, теперь твое навсегда…», «Осколок из кости удалили, но перспективы… не знаю, не знаю…» Что уж тут не знать? Остаток жизни будешь жить, товарищ капитан, с больной ногой и дурдомом в голове…

Лодыжку свело судорогой – почему-то здоровую. Он сбросил обе ноги с кровати, привычно взвыл от боли. Мутное пространство двоилось, покачивалось. Старая мебель, ободранные стены, закрытая балконная дверь напротив. Если откроешь, то вся городская сырость и запахи – твои. Состояние было муторное, во рту кисло, сна – как и положено посреди ночи – ни в одном глазу. Павел натянул штаны, забрал с тумбочки папиросы, спички, побрел курить на балкон. Надрывно, словно жаловалась на что-то, скрипела балконная дверь. Сырость ждала у порога, потекла в квартиру… Он стоял на пустом балконе, опираясь на перила, жадно втягивал дым, стараясь перебить кислятину в горле. Двух-, трехэтажные домишки жались в кучку, иногда разбегались, образуя дворики, глубокие подворотни, насыщенные кошачьими и человеческими ароматами. Половина зданий здесь была в аварийном состоянии. Но люди жили – при любом режиме, стойко перенося жилищно-коммунальные трудности. Район улиц Вербинной и Гаперной смутно напоминал одесскую Молдаванку – та же стесненность, вечный шалман, переплетение балконов, пожарных лестниц, бельевых веревок…

Боль в ноге понемногу утихала, в голове уже что-то брезжило. Пробуждалась тоска – постоянный жизненный спутник. Борьба с ней шла с переменным успехом, старался не пить – по крайней мере, много. Павел смотрел на хмурое небо, на убегающие вдаль ободранные крыши. Он проживал в двухэтажке на втором этаже. Обернувшись, можно было коснуться козырька крыши – и даже вскарабкаться на нее, отойти подальше, чтобы не упасть, и проорать во все горло: «Где я, люди?!»

Нет, с этой дурью надо бороться. Он, капитан милиции Павел Журбин, находится в родном Белецке – старом белорусском городе в ста пятидесяти километрах от польской границы. Вернулся неделю назад. Проживает в квартире родителей, скончавшихся во время оккупации. Завтра выходит на новую работу – вернее, уже сегодня. Все прекрасно, лучше не бывает. Четыре месяца назад закончилась самая страшная война в истории человечества. Четыре дня назад, 2 сентября, империалистическая Япония на борту американского линкора «Миссури» подписала безоговорочную капитуляцию. Еще бы не подписала – месяц назад атомная бомба

прилетела по башке – даже две. А Павел Журбин живет в счастливой стране-победительнице. Впрочем, не всегда, особенно если присмотреться, эта страна похожа на победительницу…

Протяжно заскрипела дверь соседнего балкона, из квартиры вывалился невысокий щуплый мужик в тельняшке и трико с пузырями на коленях. Волос на голове осталось немного, и все стояли дыбом. Субъект был какой-то нервный, костлявые конечности судорожно перебирали перила. Лицо в полумраке едва проступало – может, и к лучшему.

– Привет, ты кто? – хрипло выдохнул субъект.

– Живу тут, – лаконично отозвался Павел. – И тебе привет… прекрасное видение.

– О, и я тут живу, – обрадовался сосед. – Кузьма я… – он как-то замешкался.

– Прутков, – подсказал Журбин.

– Не… Стелькин я… Закурить дашь, сосед?

– Можно. – Павел перебросил поочередно на соседский балкон папиросы и спички. Сосед ничего не поймал – руки тряслись, подобрал с пола. Кое-как закурил, испортив пару спичек, затянулся, закашлялся. Справился с приступом, оперся на перила.

– Не вернешь? – спросил Павел.

– А, точно… – Кузьма неохотно перебросил обратно табачное хозяйство. – Слушай, сосед… – в голосе говорящего заиграли просительные нотки. – У тебя выпить есть?

– Нет. Какое выпить, Кузьма? Спать иди – два часа ночи.

– Да знаю я, не могу… – Мужичка, похоже, основательно скрутило. – Ну, налей, жалко тебе, что ли?

– Сказал же нет, Кузьма, не держу в доме алкоголя. Иди спать. И бросай это дело, пока до греха не довело.

– Да брошу я… Слушай, сосед, может, деньгами богат? Рубликов тридцать, больше не надо… Ну, сорок… Я отдам, гадом буду, зуб даю… Вот у любого спроси: разве Кузьма кому-то не возвращал долги?

С соседом, похоже, подфартило. Странно, неделю здесь живет и до сих пор не встречались. А такой, судя по всему, колоритный персонаж…

– Ты где прятался последние дни, Кузьма? Почему не виделись?

– Так это самое… – Сосед облизнул пересохшие губы. – Менты, козлы позорные, на пятнадцать суток закатали… а я вот в чем был виноват?

– Понятно, – Павел усмехнулся. С соседом подфартило просто бескрайне. В темноте матово отливала блатная татуировка на шее. Хорошо еще, что не борзый.

– Так как, мужик, дашь денег? – с надеждой вопрошал Кузьма. – Ну, в смысле, займешь?

– Так магазины же закрыты, ночь на дворе, куда побежишь, приятель?

– Мое это дело, мужик, знаю, куда пойти, ты только дай…

– Нет, Кузьма, извини, денег нет и не будет. – Павел нагнулся, опустил окурок в банку. – Хочешь – обижайся, хочешь – прими как должное. Спать ложись, а утро вечера мудренее.

Он ушел с балкона, плотно прикрыв дверь, а Кузьма за бортом продолжал что-то говорить, просил, срываясь на визгливые нотки.

Насилу удалось заснуть и проспать остаток ночи. Могло быть хуже. Он с незажженной папиросой в зубах блуждал по квартире, включал газовую горелку под чайником, выволок из кладовки неподъемный утюг. Кухонное радио настойчиво предлагало провести физическую зарядку, но Журбин эти призывы игнорировал. Он угрюмо разглядывал себя в зеркало, прежде чем выйти в свет. Одетый в форму – темно-серый, ближе к черному, суконный китель со стоячим воротом, такого же цвета галифе, на плечах погоны. Сияли надраенные ваксой сапоги. Широкий затертый ремень, портупея. «Бестолковку» прикрывала фуражка с синим околышем. В сером лице, в тусклых глазах – никакого энтузиазма, стремления переделать мир, искоренив в нем преступность. Только усталость, безнадежность, какая-то пугающая покорность. Вроде

не старый, каких-то тридцать шесть лет, но иногда казалось, что прожил долгую бессмысленную жизнь, которая все течет и никак не может вытечь…

Он окинул взглядом обветшавшую квартиру с отслаивающейся штукатуркой, толкнул входную дверь – такую же трухлявую. Когда закрывал ее на ключ, отворилась дверь напротив, на площадку вывалилось давешнее недоразумение по имени Кузьма. При дневном свете он краше не стал, ранние морщины полосовали лицо. Одет был точно так же, как ночью, только сверху набросил затертый пиджачок. В глазах алкоголика застыла практически библейская мольба всего пьющего человечества.

Он выкатил испуганные глаза, обнаружив на площадке человека в форме. Павел смотрел на него со всей строгостью закона. Кузьма открыл рот, чтобы что-то сказать, но забыл, что хотел, и закрыл.

– Доброе утро, Кузьма, – вкрадчиво поздоровался Журбин. – Вот видишь – не выпил и ничего страшного не произошло.

– Это ты… – Кузьма запнулся, затравленно забегали белесые глаза. – А это чего?.. – Он не стал продолжать, кивнул на форму.

– На бал-маскарад поеду, – объяснил Журбин. – Ты просто счастливчик, Кузьма, теперь у тебя соседом будет оперуполномоченный уголовного розыска. Неужели это не здорово?

– Ух е… – просипел Кузьма и начал бочком двигаться обратно в квартиру.

– Стоять, – сказал Журбин. – Руки вверх.

Сосед машинально вскинул костлявые конечности.

– Опусти, – поморщился Павел. – Шуток не понимаешь? Да расслабься ты, чудак, я же твой сосед, а не тюремный надзиратель. Сколько тебе лет, Кузьма?

– Тридцать шесть… – просипел «счастливчик».

– И мне тридцать шесть, – удивился Журбин. – Что-то не припомню тебя, дружище. В одной школе мы с тобой не учились – такое чудо я бы запомнил, да и здесь ты не жил. В этой квартире Мария Евдокимовна жила, фамилию не помню.

– Стелькина была ее фамилия, – фыркнул Кузьма. – Маманька моя. Я тебе что, самозванец? Скончалась маманя в конце 44-го… – Алкоголик скорчил приторно-скорбную гримасу, даже шмыгнул носом. – А я с маманей не жил, я на Волханке обретался… не сладилось у нас с маманей как-то…

– А померла – и вот ты здесь, – констатировал Павел. – Да и правильно, Кузьма, чего жилплощади пропадать? Признавайся, сидел?

– Сидел, – икнув, признался Кузьма. – Так, по мелочам, подумаешь, одному бурому фраеру по сусалам надавали… На четыре года закрыли, с… – слово осталось недоказанным, Кузьма смутился. – С марта сорок первого по март сорок пятого отбывал, начальник, под Иркутском…

– То есть война для тебя прошла неплохо, – констатировал Журбин. – Вернулся в родные пенаты уже после оккупации, тут и маманька, слава богу, отмучилась… Работаешь?

– Да, конечно. – Кузьма вздрогнул. – Нет, не совсем, начальник… Грузчиком работал в продмаге на Чичерина, но ушел, здоровье стало пошаливать… Ты не волнуйся, начальник, – затараторил сосед. – Гадом буду, обязательно устроюсь, и недели не пройдет… Я же не тунеядец какой-то, всегда работал…

– Смотри, Кузьма, – погрозил пальцем Журбин. – Теперь ты у меня на карандаше. Буду следить, чтобы ты в кратчайшие сроки человеком стал… Ну все, бывай, уступи дорогу, не вместе же нам из дома выходить.

Кто-то с ним здоровался, кто-то улыбался – и даже не натянуто. Другие глядели косо, отводили глаза. Во дворе перекликались горластые бабы, лаяла собака. В темной подворотне пахло отнюдь не парфюмом из Парижа. Он старался не хромать – приходилось прилагать усилия, напрямую связанные с болью. Голова пока щадила, выжидала. Павел пробился через

местные трущобы, вышел на Турбинную улицу, как и прежде заросшую тополями. До центра здесь было километра полтора. Впрочем, центр в Белецке – понятие относительное и неочевидное. Город был разбросан, пустыри сменялись кварталами жилых строений, со всех концов населенный пункт подпирал частный сектор. Приличные здания – на улицах Народной, Первого Мая, Второго Коминтерна. Там традиционно располагались органы власти. Там же в годы войны сидела оккупационная администрация, окружившая несколько кварталов непробиваемыми заслонами. В Белецке до войны проживало порядка семидесяти тысяч душ. Не так уж много, но город считался важным транспортным узлом и промышленным центром. Здесь работали завод сельскохозяйственных машин, турбинный завод, трубопрокатный завод. Круглосуточно гудела узловая железнодорожная станция, пропускающая поезда с запада на восток и с севера на юг. В июне сорок первого советские войска оставили Белецк без боя – уходили в спешке, чтобы не попасть в окружение. Немцы летом 44-го тоже не особенно цеплялись за город – бежали, как только на горизонте появилась Красная армия. Так что город практически не разрушили – в отличие от его промышленности, которая к сентябрю 45-го пребывала в плачевном состоянии.

Но отдельные предприятия работали, гремела и лязгала железная дорога. В воздухе ощущался так и не забытый запах чего-то едкого, в том числе «жареного» железа. Постоянная сырость эти запахи только усиливала. Городская растительность почти не помогала. Павел пересек сквер, пропустил грохочущую колонну грузовиков, вышел на улицу Народную. Немцы в оккупацию ее название не меняли – против слова «народ» ничего не имели. Люди рассказывали, что здесь вся улица – от горсовета до горисполкома – была завешана алыми полотнищами со свастикой в белом круге…

Лучше бы асфальт положили! Павел чертыхался, обходя лужи. Дороги в городе так и остались грунтовыми – с небольшим содержанием щебня. Асфальт имелся только на улице Первого Мая, где находился горком партии. Павел покурил на ходу, вошел во двор городского отдела РКМ[1]. Здание было кирпичное, трехэтажное, в плане формировало букву П. Двор был выметен, украшен газовыми фонарями. Справа гараж, слева – беседка для «рабочих» перекуров. У фасада стояли машины – неубиваемая «эмка» довоенного образца, трофейный «Фольксваген», советская полуторка, ГАЗ-ММ-В с брезентовым верхом – с виду та же полуторка, только с укороченным кузовом и дешевая в производстве. Подобный транспорт использовался на фронте для перевозки раненых, доставки к месту выполнения задачи небольших групп пехоты.

От капота последней оторвался водитель – долговязый, в форме под промасленной фуфайкой, с простодушной физиономией. Смерил взглядом подходящего капитана, стал вытирать ветошью руки.

– Товарищ капитан?.. Вы ведь Журбин? Это вас назначили старшим оперуполномоченным?

– Так точно, товарищ милиционер, – Павел усмехнулся. – Это так заметно?

Он протянул руку. Водитель в фуфайке охотно ее пожал.

– Ну да, говорили, что вы сегодня выходите… Пахомов Алексей, я тут по совместительству баранку кручу… Вы вроде здесь работали, а в 37-м с семьей в Минск переехали… В лейтенантах тогда еще бегали, верно? Не помните меня?

– Смутно, Алексей, – признался Павел. – Вроде знакомо твое лицо, но не поручусь. Сколько воды утекло.

– Это так, – вздохнул водитель. – Здесь из прежних практически никого не осталось, все умерли. В войну в этом здании полицейский участок был, наши еще шутили, что надо полную дезинфекцию проводить, чтобы никакой заразы не осталось. Ей-богу, противно было после

[1] РКМ – Рабоче-крестьянская милиция.

этих тварей на тех же стульях сидеть, в тот же толчок ходить… Я в прошлом году после ранения на Втором Белорусском сюда вернулся. Вас тоже смутно, но помню. Веселый вы тогда были – да и помоложе, что уж греха таить… Ладно, товарищ капитан, не хочу вас задерживать.

Журбин направился к крыльцу.

– С семьей-то вашей все в порядке? – спросил в спину Пахомов.

Павел сделал вид, что не расслышал. Отворил тяжелую дверь, вошел в фойе, показал свои бумаги дежурному. Лейтенант козырнул, украдкой разглядывая нового сотрудника, указал на лестницу в глубине зала. Дико разболелась нога, пришлось остановиться у начала пролета. В голову словно сверло вогнали – как это вовремя, черт побери… Он начал взбираться по ступеням. Родители умерли здесь, в Белецке, в начале 43-го. Уезжать в эвакуацию отказались, не представляли, что все так затянется. Павел не мог за ними проследить – служил в действующей армии. Зима в тот год выдалась, мягко говоря, не жаркой. Плюс постоянная сырость, характерная для Белоруссии, усиливающая холод. Оба были больны, плохо ходили, нечего было есть. Соседи вошли – дверь оказалась не заперта, обнаружили уже остывшие тела… Жену Алену и дочку Соню Журбин отправил в эвакуацию еще в июне сорок первого – немцы как раз рвались к Минску. Было много сложностей, препятствий, бюрократических проволочек. Но прорвались, эшелон отправился на восток под непрекращающимися бомбежками. Алена с дочкой жили в Костроме, супруга преподавала в школе, дочурка посещала детский сад. Топили буржуйку, добывали еду. Третьего июля сорок четвертого Красная армия освободила Минск. Алене не терпелось вернуться домой, помчались сразу же, чуть ли не первым эшелоном. Обстрелы еще не прекратились. Озлобленные фашисты били из пушек, самолеты-штурмовики прорывались в воздушное пространство. Бомба искорежила шпальную решетку перед несущимся паровозом. Машинист не успел затормозить. Эшелон на полном ходу полетел под откос. Было страшное месиво. Алена с Сонечкой не выжили, их буквально раздавило. Журбин знал, что они едут этим поездом, отпросился у командования, примчался на место трагедии – благо часть дислоцировалась под Минском. Выл от отчаяния, помогая людям растаскивать фрагменты вагонов, вынимать тела. Окаменевший, поседевший за час, стоял над искореженными телами родных людей, не веря, что такое случилось на самом деле. Горе не отпускало, становилось только хуже. Просился на самые опасные участки фронта, искал смерти – но так и не повезло, выжил. Только тот случай на Зееловских высотах, когда был на волосок от смерти, когда погиб лучший друг, самого крепко контузило, а еще нога превратилась черт знает во что…

На втором этаже он отдышался, отыскал нужную дверь. Вошел в приемную невозмутимый, почти не хромая. Разве что с небольшой «аристократической» бледностью на лице. Но кому помешает аристократическая бледность? На двери висела табличка «Начальник городского отдела Рабоче-крестьянской милиции подполковник Марин К. Ю.». Начальнику милиции города по статусу полагалась секретарь. Видная, с хорошей фигурой, не очень, правда, молодая, она стояла у окна, куталась в шаль и поливала цветок. Повернулась, смерила вошедшего строгим «профессиональным» взглядом – впрочем, женское любопытство в этом взгляде тоже присутствовало.

– Это вы? – догадалась она.

– Здравствуйте, – поздоровался Журбин. – Это я, кто же еще? – позволил он себе бледную улыбку. – Капитан Журбин Павел Андреевич. К товарищу Марину.

– Ну да, ну да… – пробормотала секретарь, завершая осмотр посетителя (в целом осталась удовлетворена), улыбнулась нормальной приятной улыбкой. – Шацкая Лидия Тарасовна, можете входить и жаловать. Константин Юрьевич вас ждет. – Она покосилась на часы – ровно восемь. – Проходите, Павел Андреевич.

Мужчин в стране катастрофически не хватало. Страна неудержимо превращалась в бабье царство. Непристроенные мужчины пользовались повышенным спросом. Пристроенных их

избранницы держали мертвой хваткой – чтобы не увели. Лидия Тарасовна, судя по ищущему взгляду, еще не нашла свою судьбу. Увы, на данном жизненном этапе, характеризующемся глухой депрессией, женщины капитана не заботили. В душу вмещалась лишь одна.

Он постучал в дверь начальника – видимо, зря: Лидия Тарасовна за спиной издала сдавленный смешок. Приоткрыл, обнаружил темный тамбур – два метра до следующей двери. Странная конструкция. Шлюзовая камера – почему-то напросилось сравнение. Закрывать дверь за спиной он не стал – оказался бы в темноте. Осторожно сделал два шага, снова постучал. За дверью предложили войти.

Кабинет был стандартный – без лепнины и венских стульев. Со стен смотрели бессменные вожди – Лаврентий Павлович Берия и Иосиф Виссарионович Сталин. Субъект с погонами подполковника, сидящий за столом, смерил вошедшего таким же принципиальным взглядом, как его секретарь, но улыбаться не стал. Приподнялся, протянул руку, потом кивнул на свободный стул.

– Присаживайся, капитан. Марин моя фамилия. Константин Юрьевич. Но ты уже знаешь.

Начальнику горотдела было лет пятьдесят – еще не старый. Лишнего жира себе не позволял, имел сухое жилистое строение тела, серое скуластое лицо, глаза неопределенного цвета.

– Готов приступить к работе? – у него был хрипловатый, но в целом ровный голос.

– Готов, товарищ подполковник.

– Не болеешь? – Марин пристально всмотрелся в его лицо.

– Никак нет, товарищ подполковник.

– Понятно, ты всегда такой… – Подполковник криво усмехнулся, снял со стопки на столе верхнюю папку, раскрыл. – Твое личное дело пришло, ознакомился, гм… В принципе, неплохо, у тебя хороший послужной список, опять же воевал… Но есть нюансы. Порой неуправляемый, своенравный, может пойти на конфликт с начальством… В грош не ставишь начальство, капитан? – Он поднял глаза.

– Никак нет, товарищ подполковник, ставлю, – Павел немного смутился.

– Понял уже, ставишь, – усмешка не сходила с лица Марина. – В грош. Ладно, посмотрим. Но предостережению, надеюсь, ты внял. Никакой автономии, самостоятельности. Любые мало-мальски значимые решения проходят через меня. Можешь обращаться ко мне по имени-отчеству… – подполковник помялся. – Если я добрый. Если злой… сам понимаешь.

– Принято, товарищ подполковник. Сегодня вы… добрый?

– Да иди ты, – подполковник отмахнулся, но подобие улыбки мелькнуло. – Ладно, первым делом получишь оружие. Кобуру не выдаем, о кобуре позаботишься сам.

– Знаю, Константин Юрьевич, – Павел улыбнулся. – Все это хозяйство путешествует вместе со мной.

– Ну да, ты же из наших… Судя по личному делу, ты из Белецка?

– Уехал в Минск в 37-м – и до прошлой недели в Белецк не возвращался. Даже не знаю, что тут изменилось…

– Да что тут могло измениться, – фыркнул Марин. – Дворцы не выросли. Как было, так и осталось. Немцы городскую инфраструктуру не сильно поганили, так что электричество, газ, водопровод – с перебоями, но работают. Жилой фонд продолжает ветшать. Предприятия работают через одно. Обещают запустить к ноябрю трубопрокатный завод, уже идут пусконаладочные работы… Люди изменились, капитан. Иных уж нет, а те далече, как говорится. От довоенного населения осталось немного. Впрочем, кто-то возвращался из эвакуации, до сих пор продолжают прибывать. Кто-то из других частей страны прибывает в Белецк на постоянное место жительства. Кадровый голод просто душит, работать некому. Настоящих профессионалов по пальцам пересчитать можно. Вряд ли ты встретишь много старых знакомых. Я сам-то, – Марин усмехнулся, – без году неделя в этих палестинах. Воевал под Сталинградом, под Курском, командовал батальоном НКВД, потом тяжелое ранение, маета по госпиталям. Осколок

под ребрами до сих пор дает о себе знать… Переведен в Белецк из Воркуты в октябре 44-го. Партия и правительство отправили бороться с местной преступностью…

Марин снова перелистывал личное дело нового сотрудника. О семье не спрашивал, хватало такта – да и читать, по-видимому, умел.

– То, что вышел в форме, – хорошо. Но не стоит злоупотреблять этим делом. Отличная мишень – наша милицейская форма. И для деликатных разработок – не лучшее подспорье. Хотя не маленький, должен знать… Знакомься с коллективом, ребята нормальные… со своими, правда, особенностями. Не волнуйся, – Марин ехидно ухмыльнулся. – Безногих или совсем уж безмозглых нет. Разберешься. Работай с тем, что есть. Твой отдел там, – Марин указал пальцем. – По коридору – и под лестницей. Просторных и светлых апартаментов пока не заслужили.

– Что по обстановке в городе, товарищ подполковник?

– Обстановка сложная, но контролируемая, – Марин заметно помрачнел. – Уголовная мразь поднимает голову, лезет из всех щелей. Выродки нападают на людей на улице, потрошат карманы. Если сопротивляешься, могут и прирезать. Нападают на лабазы, на продуктовые склады. Пару месяцев назад обнесли склад ГСМ на Муромской, после чего эта горючка всплывала на черном рынке. Умно работают твари, по схеме, буквально все идет через черный рынок… Участились квартирные кражи, ограбления – зачастую, к сожалению, с человеческими жертвами… О мирном времени на нашей работе приходится только мечтать, капитан, – подполковник, сокрушаясь, вздохнул. – Война продолжается, только враг теперь другой. Твой предшественник Востриков просто не мог работать дальше – разваливался на ходу, суставы отказывали. До последнего держался, но нет, хватит – прямо с рабочего места его увезли в Борисов, в хирургическую клинику. Прооперировали, так он теперь вообще подняться не может. На моем коротком веку твой отдел потерял еще одного – Саню Пырьева бандиты убили. Это пару месяцев назад произошло, перестрелка шумная в районе пакгаузов была. Буквально изрешетили, а такой толковый был мужик… После этого случая, кстати, зашевелился народ, головы стали лучше работать. Банду Севастьяна, которая большинство городских дел прокручивала, накрыли в прошлом месяце. Четко сработали, дополнительные силы подтянули. Сходняк он проводил со своим корешем Хриплым, и обе группировки в полном составе присутствовали. Сдаваться не пожелали – ну, дело хозяйское. Всю толпу, в общем, из пулеметов положили, никто не ушел. А всего лишь один анонимный телефонный звонок… м-да. И знаешь, заметно спокойнее стало в городе. Вот только этот случай трехдневной давности на Дробышева… – подполковник замялся. – Ладно, об этом тебе в отделе расскажут и даже покажут. Заболтался я с тобой. Иди – получай оружие и работай.

Под лестницей обнаружились две комнаты с низким потолком и единственным окном, смотрящим на бетонный забор и заросли крапивы. Местных оперов явно ущемляли в правах. Сразу от порога он почувствовал слабый запах сивушных масел, удивился. Кабак по совместительству открыли под лестницей? Шкафы, сейфы, «деловой» беспорядок. Основательные канцелярские столы пережили проклятый царизм и даже через тридцать без малого лет смотрелись сносно. Стены украшали замызганные календари, какие-то диаграммы с таблицами – видимо, фиксирующие неудержимый рост раскрываемости преступлений. Милицейскую форму никто из присутствующих не носил. Опустил голову сидящий справа в углу мужик – лет сорока трех, нормально сложенный, хотя и немного грубоватый на вид, с жесткой ершистой порослью на голове, – как-то смутился. От него, похоже, и проистекало амбре. Одет товарищ был небрежно, во все заношенное – модничать явно не любил. Поднялся, перехватив пристальный взгляд, пожал протянутую руку.

– Журбин Павел Андреевич.

– Терехов, – с хрипотцой отозвался сотрудник. – Сергей Иванович. Старший лейтенант.

Запашок проистекал определенно от него. Похоже, карьерный рост этого индивидуума мало интересовал. Павел не стал отягощать отношения в первую же минуту, указывая на исходящее от сотрудника амбре, обошелся без комментариев. Видел, как поморщилась худая женщина в противоположном углу. Действительно, сегодня товарищ Терехов мог бы и воздержаться.

– Построение будет, товарищ капитан? – деловито осведомились со стороны окна. – Ну, там, торжественная церемония, внос реликвий отдела…

– Нет, – проворчал Павел и тоже пошутил: – Всем оставаться на своих местах.

Прыснул очкарик в клетчатом пиджаке, сидящий слева от девушки. Похоже, народ в этих стенах был непуганый (или чересчур пуганый – и уже ничего не боялись).

У женщины на столе стояло фото с траурным уголком. Фотографу улыбался еще молодой мужчина с непокорным чубом и оттопыренными ушами. Видимо, погибший от бандитской пули Пырьев.

– Здравия желаю, товарищ капитан, – деловито произнесла, приподнимаясь, женщина. Рукопожатие у нее было практически мужское. Вся в сером: юбка, жакет, волосы пепельного цвета собраны в пучок. Украшением отдела эта особа явно не являлась. Да и молодой ее можно было назвать лишь условно – далеко за тридцать.

– Павина Римма Савельевна, – представилась она. – Старший лейтенант, – и снова с какой-то злостью покосилась на Терехова через плечо Журбина – видимо, имел место «принципиальный» разговор. – Добро пожаловать, товарищ капитан, – она сухо улыбнулась. – Можете занять вон тот свободный стол. Или в смежном помещении есть аналогичный – если есть желание оторваться от коллектива.

Поднялся парнишка лет двадцати семи, одетый в клетчатый пиджак – светловолосый, крепкий в кости, поправил указательным пальцем перемычку между стеклами очков. У него были неглупые глаза. Молодой человек демонстрировал спокойствие. «Интеллигент, – подумал Журбин. – Та самая прослойка между классами, как грыжа между позвонками».

– Оперуполномоченный Савушкин Олег Петрович, лейтенант милиции, – у него и голос был интеллигентный – без низких частот и прочих «пролетарских» примесей. – Рады приветствовать, товарищ капитан, в нашем скромном закутке. Или… позволите по имени-отчеству?

– Посмотрим на ваше поведение, – проворчал Павел.

У парня на столе был практически немецкий порядок. Бумаги лежали на своих местах, ручки, карандаши, резинки – на своем.

Последний представился Топорковым Ильей – тоже Петровичем и тоже лейтенантом. Он также был молод, но выглядел полной противоположностью Савушкину – стройный, темноволосый, со смешливой, какой-то кукольной физиономией. Говорил он эмоционально, бесстрашно глядя собеседнику в глаза.

– Говорят, вы местный, товарищ капитан? Прибыли то ли из Минска, то ли из Берлина, прошли войну – правда ведь? А нас вот с Савушкиным не взяли, обидели – мол, в тылу мы принесем больше пользы. Приезжие мы все, меньше года в этих краях. Я с Урала, Савушкин вон из Омска, Римма – откуда-то из Средней Азии…

– Из Казахстана, – разъяснила Римма. – Есть такой поселок на севере республики – Байконур. Но последние три года проживала в Баку.

– Местных нет? – осведомился Павел.

– Вон Терехов местный, – кивнула Римма. – В сорок четвертом с фронта вернулся с бронхиальной астмой.

– Нет у меня никакой бронхиальной астмы, – подал хриплый голос Терехов. – Иначе давно бы уже сдох тут с вами…

– Так сдохнешь, какие твои годы? – фыркнула Римма. – Водка, папиросы – верной дорогой идете, товарищ…

– Ладно, успеем еще познакомиться ближе, – буркнул Журбин, добираясь до свободного стола. Здесь было светлее, рядом с окном. Странно, что это место еще никто не занял. Развалился – стул скрипел, подозрительно прогибался, но ничего, работать можно.

– Сколько дел в разработке? Давайте по порядку.

– Убийство сторожа продмага в Первом Банном переулке, – быстро сказал Топорков. – Залезли два негодяя, похитили мешок ячменной крупы – больше просто поднять не смогли, попутно пырнули сторожа ножичком и скрылись во мраке ночи. Дедушка старенький, не выжил. Есть очевидец, утверждает, что это совсем еще пацаны были…

– Квартирное ограбление на Первого Мая, – ровным голосом сообщил Савушкин, поправив очки. – Потерпевшие – бухгалтер Грицюк и его почтенная супруга. Чудом выжили. Чуть не плачут, но дружно уверяют, что ничего не пропало. И это понятно, товарищ капитан: вскройся весь список похищенного – и сами поедут на Колыму…

– О главном не хотите рассказать? – проворчал из угла Терехов. Наступило какое-то неловкое молчание. Старший лейтенант не был пьян, но вчера явно перехватил.

Павел покосился через плечо.

– Лесопилку на Дробышева взяли третьего дня, – неохотно объяснил Терехов. – Ворвались так лихо, всех перебили, взяли зарплату, которую собирались назавтра раздавать, – и так же лихо смылись. Улик на месте преступления – хрен, свидетелей – хрен…

Видимо, об этом и начинал говорить Марин – текущая больная тема.

– Дробышева… – Он потер лоб. – Название улицы было знакомое, но как-то подзабывать начал за восемь лет…

– На окраине, – маловразумительно сообщил Топорков.

– На какой окраине?

– А в этом городе, товарищ капитан, – рассудительно изрек Савушкин, – куда ни ткни – везде окраина. На западной.

– Отработали как положено, – неуверенно сообщила Римма. – Протоколы составили, сотрудников опросили… Работаем, в общем. Нас, Павел Андреевич, до вас было четверо, а преступления совершаются каждый день. Пытаемся размножиться, увеличить количество часов в сутках, но часто не удается…

Поговорить на увлекательную тему не успели. Телефонный аппарат на стене залился дребезжащим перезвоном. Терехов оказался ближе, снял трубку. Слушал не перебивая, лицо, и без того не брызжущее жизнерадостностью, становилось окончательно смурным. «Приглашают точно не на бал-маскарад», – подумал Журбин.

– Заварушка в госбанке на Карла Маркса, – сообщил он, вешая трубку. – Слышали выстрелы, там уже наряд, полгорода на ушах – а нас, как всегда, только за смертью посылать…

– Точно, – кивнул молодой Топорков. – Сидим тут, как сверчки, под лестницей…

– Поехали, – бросил Павел. – Машина в отделе, надеюсь, есть?

– Ну так… – неопределенно выразилась Римма.

Глава вторая

По лестнице скатывались быстро, широким шагом отмеряли вестибюль. Терехов приотстал, как-то морщился. Павел закусил губу, не подавал вида, что нога от боли готова переломиться. К крыльцу подъехала, отфыркиваясь смрадом из выхлопной трубы, знакомая «полуторка» с Алексеем Пахомовым за рулем.

– О, бричку уже подали, – обрадовался Топорков. – Можно ехать.

– Всего-то? – усмехнулся Павел.

– Ну извиняйте, товарищ капитан, – молодой лейтенант развел руками. – «Мерседесы» кончились. Чем богаты, тем и рады. Да нормальная машинка – небольшая, маневренная, проходимая, в любую щель пролезет. Не всегда, правда, заводится, приходится всем коллективом упрашивать…

Но сегодня бравый «фронтовик», изрешеченный пулями и осколками, завелся сразу. На место рядом с водителем никто не претендовал – покорно поплелись к кузову. Первыми залезли мужики, схватили за руки Римму – легко перебросили ее на борт. Старший лейтенант даже не ойкнула. Процедура, видимо, стандартная.

– Первый выезд, товарищ капитан? – повернул костлявую физиономию Алексей Пахомов. – Поехали, прокачу с ветерком. Вы же на банк? Там буча была примерно полчаса назад…

В кабине было как-то голо, толком не за что схватиться. Сиденье «ортопедическое» – даже для советского автомобиля чересчур жесткое. Впрочем, оторванным от коллектива он себя не чувствовал – за левым ухом имелся вырез в кабине, позволяющий слышать все, что происходит в кузове.

– Вроде ничего такой, – негромко вещал Топорков. – Кажется, не злыдень, не службист, не канцелярист… Смурной, правда…

– Ну да, могло быть хуже, – согласилась Римма. – Но могло быть и лучше…

– Я все слышу, товарищи милиционеры, – сообщил Павел.

– Ух е-мое… – выдохнул Топорков, и в кузове воцарилась гробовая тишина.

Пахомов вывел фырчащий ГАЗ-ММ на дорогу. Скрежетали и покачивались продранные борта.

– Госбанк на Маркса – это тот, с колоннами? – спросил Павел. – Напротив кинотеатра… не помню его названия?

– «Пионер», – проворчал Терехов. – Тот самый. Только плохие у него колонны – уже осыпались, скоро падать начнут. У банка в этом же здании складские помещения. Там вроде инкассация была сегодня утром…

Машину тряхнуло, Терехов выругался и замолчал. Залился тревожной трелью трамвай, идущий навстречу, – Пахомов выехал на рельсы и едва не протаранил его. Вовремя сманеврировал, уйдя от столкновения, и ворвался в переулок на другой стороне, чтобы срезать дорогу.

– Лешенька, понежнее! – вскричала Римма. – И не так быстро!

Загоготали мужчины.

– Гастелло хренов, – добавил Терехов.

Улица Карла Маркса причудливо изгибалась между Народной и улицей Второго Коминтерна. Дорога была недальняя. Пахомову действительно следовало идти в летчики – и проделывать то же самое, только в воздухе. Ведь в небе нет ни домов, ни деревьев, ни разбегающихся прохожих!

– Ручку привари, – буркнул Павел, тыча пальцем в панель. – Держаться не за что. Ты всегда так ездишь?

– Так спешим же, товарищ капитан, – ухмыльнулся Пахомов. – Дело ведь нешуточное, целый госбанк, кажись, ломанули…

Он выехал на Карла Маркса, в последний раз проделал убийственный маневр, уходя от страшноватого самосвала. Народ на закорках возмущенно заголосил.

– Пахомов, ты что, чурки березовые везешь?! – возмутился даже сдержанный Савушкин. – Я чуть из-за тебя свои очки не проглотил!

Залился нервным смехом Топорков.

– Так, сержант, ты это прекращай, – строго сказал Павел. – Чтобы отныне ездил без лихачества. Тебе удовольствие, а нам, знаешь ли, нервы. У нас и так работать некому – хочешь, чтобы вообще стало некому?

– Принято, товарищ капитан, – худощавое лицо водителя скуксилось от обиды. – А я-то думал, что вы спешите…

Павел первым спрыгнул с подножки. Карбюраторный двигатель еще какое-то время поработал и затих. Из-под капота тянуло бензином и горячим маслом. Сотрудники, переругиваясь, выгружались из кузова. Здание просвечивало сквозь зеленые насаждения. Бывший особняк какого-то местного фабриканта с четырьмя колоннами по фасаду, широкими ступенями. В тридцать шестом его приспособили под банковское хранилище, пристроили складское крыло с отдельным выходом во двор. Во время оккупации здесь квартировала полевая комендатура – немцы любили крепкие стены. Теперь – опять банк. У главного входа уже стояла милицейская «эмка», кучковался народ – человек пятнадцать. Кто-то испуганный, кто-то любопытствующий. Постовой лейтенант, мнущийся у входа, облегченно выдохнул, обнаружив старшего по званию, подошел.

– Товарищ капитан, внутри не были – ждали вас…

– Кто звонил?

– Сторож. Волынцев Николай Федорович… Дядя Коля, в общем. Говорит, выстрелы слышал – вроде как со склада. Потом шаги – и тишина… А потом еще один сторож прибежал – с черного хода, говорит, дверь на склад заперта, а внутри вроде никого…

– В смысле, никого? – не понял Журбин. – Не выходили, что ли?

– Выходит, так. Ни с главного, ни с черного хода…

– Ты себя-то слышишь, лейтенант? – проворчал подошедший Терехов. – По-твоему, они до сих пор там сидят, нас ждут?

– Я не знаю, товарищи, – растерянно развел руками лейтенант. – Вы умные, вы и думайте, что это значит. А наше дело маленькое…

Начинался какой-то нервный тремор. Давно забытое чувство – охотничий азарт, готовность выполнить свое дело…

– Лейтенант, на задворках есть наши люди?

– Так точно, товарищ капитан, – закивал лейтенант. – Двое там, в кустах схоронились. У них ППШ…

– Ну ладно, не такой вы, стало быть, бездарь, товарищ лейтенант…

Павел еще раз осмотрелся, отмечая озадаченные лица сотрудников. Окна первого этажа заделаны решетками – ржавыми, но прочными. Как и положено – все-таки банк, не кружок народных танцев. Подъехала еще одна милицейская машина, выгружались сотрудники. Павел вынул пистолет – не новый, но обильно смазанный. Патрон послушно вошел в патронник. Он оглядел притихших людей. Милиционеры вели себя спокойно – обычная работа. Сотрудники тоже горячих эмоций не проявляли. Савушкин невозмутимо поправлял очки указательным пальцем. Топорков извлек ТТ из кобуры под мышкой, ждал команды. Римма тоже достала пистолет.

– За мной, – сказал Журбин. – По одному. Всем быть начеку. Римма Савельевна, уйдите, пожалуйста, в сумрак, не лезьте со своим пистолетом.

Римма вспыхнула. «Заодно и проверим, насколько мы тут злопамятны», – подумал Павел.

– Может, наши ребята первыми пойдут, товарищ капитан? – внес предложение лейтенант.

– Может, монетку бросим? – покосился на него Журбин.

– Да пусть идет товарищ капитан, – проворчал Терехов. – А мы, если что, за него отомстим…

Тяжелая дверь открывалась с натужным скрипом. Люди поодиночке просачивались внутрь. В фойе пахло кислой штукатуркой, мастикой для пола и еще чем-то сладковатым, чуть приторным. Сразу за стойкой начинался коридор с казенными стенами, выкрашенными масляной краской. Лампочки горели через одну – тускло, помаргивали. За проходом – дверь в операционный зал, направо – ход на склад. Суженное пространство, серые стены, бетонный пол. Два массивных стола, сейф справа, открытый настежь – пустой. И люди…

Комок подкатил к горлу, сердце часто забилось. Четыре тела, кровь на полу. Первый – охранник, лет пятидесяти, лежал на боку, закинув руку за голову. Из горла торчал немецкий штык-нож – широкий, пятигранный, с коричневой рукоятью. Кровь успела вытечь, свернуться, присохнуть к коже. Глаза смотрели в потолок – в них не было ничего, кроме стеклянной пустоты.

Второй – еще один охранник, моложе, в гимнастерке, уткнулся лицом в стол. Стреляли в затылок – маленькая аккуратная дырочка, почти без крови. С обратной стороны большой рваный выход. Этот парень даже встать из-за стола не успел…

Третья – женщина, гражданская. Лет сорока, с хорошим, видимо, улыбчивым лицом, в простом сером платье, передник оборван. Бухгалтер или кладовщица. Ее убили позже остальных. Несчастная попыталась убежать, упала лицом вниз на пороге, у двери в подсобку. Уже лежащей нанесли два удара ножом в спину…

Четвертый – в униформе, как первые двое, коротко стриженный блондин, лежал за столом на боку. Его убили выстрелом в висок – чисто, почти хирургически.

Милиционеры обыскивали здание на предмет посторонних – пока помалкивали, значит, без находок. Терехов, кряхтя, присел на корточки у трупа с торчащим из горла штык-ножом, разглядывал его. Судя по запашку, похмелье из мужика еще не выветрилось. Римма и Савушкин колдовали у открытого сейфа. Топорков осматривал остальные тела и при этом как-то подозрительно сглатывал.

– Эксперты у вас есть? – спросил Журбин.

– У нас, как в Греции, товарищ капитан, – отозвался Савушкин. – Есть все. Вопрос в другом – где это «все»? Но когда-нибудь подъедут, не могут не подъехать. Вы еще не знакомы с Натаном Семеновичем Цаплером?

Павел присел на корточки рядом с Тереховым.

– Немецкий штык-нож… – пробормотал капитан. – Занятно… Такие штуки фрицы пристегивали к карабинам «маузер», когда готовились к рукопашной. Есть мысли, Сергей Иванович, – с чего вдруг?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.